

Н.Ю. Микитенко

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОКИ ТЕРМИНОВ РОДСТВА И СИСТЕМЫ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

В сравнительно-историческом языкознании есть немало проблем, которые, несмотря на посвященную им обширную литературу, продолжают волновать исследователей и вызывать оживленные дискуссии. Одной из них является проблема отражения семейных отношений в системах терминов родства (СТР) в индоевропейском (ИЕ) обществе.

В имеющихся сравнительно-исторических исследованиях на первый план выступает именно социальный аспект проблемы. Не составляет исключения и славянская ТР, подробно исследованная О.Н. Трубачевым [1959].

Между тем, несмотря на многочисленные исследования, до настоящего времени никто не ставил вопрос об эксклюзивных связях между двумя языковыми традициями в СТР в пределах одной языковой группы (славянской, германской, романской и т.д.). Подобная постановка вопроса может существенно уточнить и пересмотреть в ряде случаев устоявшиеся точки зрения на взаимоотношения между языками, входящими в определенный лингвистический ареал, и на характер связей между ними.

В настоящей статье на материале русской и чешской языковых традиций проводится сопоставительный анализ наиболее древних ТР, характерных для эпохи ИЕ языковой общности: *женщина (жена); мужчина, человек (муж); мать; отец*. Подобная фрагментарность лингвистического материала продиктована ограниченностью лингвистического пространства, нам предоставляемого.

В русском и чешском, как и в других славянских языках, находит отражение очень древняя ИЕ лексема **ǵʰena*, которая обозначает *женщину* не только как биологическую особь, но и как члена социальной группы (семьи). Скорее всего, в данной ИЕ лексеме мы имеем древнее обозначение женщины, которое в ходе эволюции ИЕ общества получило вторичное значение, вовлекаясь в сферу родственных отношений, тем более что в большинстве ИЕ языков последовательно выступает именно первое значение: ср. рус. *жена* ~ чеш. *žena* (укр. *жона*, бел. *жана*, сло-

вац. *žena*, болг. *жена*, серб.-хорв. *жена* «женщина, жена»). Параллели в других ИЕ языках: арм. *kin* «женщина, жена», прус. *genno* «жена, домохозяйка», др.-ирл. *ben, be* «женщина, жена», гот. *gino* «женщина», др.-инд. *janis* «женщина, жена».

Структурная близость русского и чешского языков проявляется в сохранении древней ИЕ огласовки *e*, которая выявляется также в словацком и южнославянских языках, противопоставляясь польскому и восточнославянским — украинскому и белорусскому — с огласовкой *o*.

В чешском языке, помимо праслав. слова **žena*, широкое распространение имеет и слово *manželka* (аналогично польск. *malżonka*). Слово сложное, первоначально звучало как *malžena*, т.е. *žena*, взятая *po malu*, или *po договору*. Слово *mäl* у горных немцев (Судеты) означает «судебное решение», где объявляется брачный дар (*Mahlschatz*); ср.: *Mahlring* — «обручальное кольцо», в других германских языках *māl* — «речь», у скандинавов «договор, правовая процедура». Согласно свидетельству летописца Нестора, древляне выдали княгиню Ольгу за своего князя в 947 г. *za mal* «*по малу*» — по договору (Нестор не понял этого выражения и князя назвал *Малом*). В соответствии с реализацией этих слов в устной речи по отдельным языкам (чеш. *manželka* — с метатезой *l* и *n*, в польском *malžena*) в этих же языках появились аналогичные наименования супругов как пары: чеш. *manželstvo*, польск. *malženstwo* «супруги», а в более позднюю эпоху возник новый отдельный счет: чеш. *manžel~manželka*, польск. *malžen, malženka*. Это слово неизвестно ни на Балканах, ни у восточных славян. По мнению Брюкнера, слово не принадлежит к эпохе древних славяно-германских контактов, оно значительно моложе (IX–X вв.), в древних славянских церковных памятниках (у южных славян) это слово не употреблялось [Вгúckner 1970: 321]. В современном русском языке слово «*жена*» употребляется как ТР.

В обозначении *мужчины (мужа)* русский и чешский языки, как и остальные славянские, используют древнюю ИЕ основу **manu* — «человек, мужчина»: рус. *муж* (др.-рус. *мужь*) ~ чеш. *muž* (словац. *muž*, польск. *maż*, укр., бел. *муж*, ст.-слав. *мужь*, болг. *мъжът*, серб.-хорв. *муж*, словен. *mož*, в.-луж., н.-луж. *muž*). Параллели в других ИЕ языках: др.-инд. *mānuṣ* «человек, муж», авест. *manuš*, гот. *mann* в том же значении, лат.-герм. *Mannus* — имя прародителя германцев (*Taum*), фриг. *Μάνης* — прародитель фригийцев.

Сопоставление русского и чешского слов в обозначении *мужа*, *мужчины* выявляет полное фонетическое тождество огласовок корневого гласного: ИЕ дифтонг **an* переходит в *u*. Помимо чешского и русского, аналогичное развитие обнаруживает большинство славянских языков, за исключением польского и старославянского, где сохранились древние носовые гласные, что можно считать архаизмом ранней праславянской эпохи.

В современном русском языке слово «*муж*» употребляется как ТР в паре *муж* ~ *жена*, а также для обозначения *мужчины*, имеющего определенный социальный статус: *государственный муж*. «*Наконец, я слышу речь не мальчика, но мужа*» (А. С. Пушкин «Борис Годунов»). В современном чешском языке слово «*муж*» сохранило древнее ИЕ значение «*мужчина, человек*». В качестве ТР употребляется слово *manžel*, рассмотренное выше, а слово *muž* в этом значении приводится с пометкой «устаревшее».

Из производных образований от праслав. **mŕǫžь* известно такое слово, как *мужик* — «крестьянин, грубый мужчина». В чешском литературном языке это слово не употребляется. В русском же языке слово «*мужик*» употребляется очень широко в телевизионных рекламных роликах, что отнюдь не придает ему эстетичности.

Древнее **обозначение матери** — **mater* — является одним из тех слов, которые сохранились практически во всем ИЕ ареале. ИЕ суффикс **ter-/tor-*, широко употреблявшийся для обозначения ТР, на славянской почве претерпел известные преобразования: ср. др.-рус. *мати*, совр. *мать* ~ др.-чеш. *mateř*, *mati* (= др.-рус. *мати*), совр. *matka*, словац. *mat'*, словен. *mater*, др.-польск. *mac*, совр. *matka* и др. Реликты прежних отношений представлены в основе косвенных падежей *mater-* ИЕ основы на *-r*.

В структурном отношении др.-чеш. форма *mati* полностью совпадает с др.-рус. *мати*, однако современная форма *matka* (с суф. *-k*) совпадает с современной польской формой.

Вопрос о том, как ИЕ суффикс **-ter* преобразовался таким образом, что практически во всех славянских языках произошло переразложение основ, является традиционно «трудным». Л.А. Сараджева считает, что обычный фонематический подход в интерпретации этого языкового явления явно неудовлетворителен, предлагая совершенно новое объяснение. «Морфологический закон родовой дифференциации, начавший действовать в эпоху ИЕ языковой общности, способствовал тому, что все имена женского рода в конечном счете сгруппировались по

трем типам с характерными формантами *a, *i, ū, это обеспечивало и формальное различие в системе терминов родства, которого раньше не было (ср. *mater “мать”, *pōter “отец”, *dhughēter/*dukter (праслав. *dъkti “дочь”), *suzesor (праслав. *sestra “сестра”) и др.» [Сараджева 2002: 123].

ИЕ слово *mater, как было сказано выше, представлено во всем ИЕ лингвистическом ареале: ср. др.-инд. *mātā* (*matar*), авест. *matar*, греч. *μητηρ*, лат. *mater*, ирл. *mathir*, др.-в.-нем. *muoter* и др.

От ИЕ основы *mater в русском и чешском образованы производные слова со значением *мачеха*: ср. др.-рус. *матеръша*, рус. диал. *matika* «старшая женщина в семействе», совр. *мачеха*, чеш. *macecha*. Подобные образования характеризуют и другие славянские языки: ср. польск. *macocha*, ст.-слав., др.-серб. *маштеха*, словен. *mačecha*, болг. *мащеха* и др., выявляя разного рода диалектные различия.

В ИЕ, в отличие от обозначения *матери*, имеющего единый характер и охватывающего весь индоевропейский ареал (за исключением хетто-лувийской группы), **обозначение отца** представлено разными лексемами, образующими два ареала: 1) ареал *pōter (др.-инд., авест., греч., лат., ирл., арм., тох. А, В, гот.); 2) ареал *atta (слав., греч., лат., гот., алб., ирл., хетт.). ИЕ *atta является общеиндоевропейским словом, восходящим к глубокой древности. По-видимому, оно более древнее, чем *pōter, и представляет собой слово из детской речи.

В славянских языках обозначение *отца* является производным образованием от ИЕ *attikos — праслав. *otъсь. Слово представлено во всех славянских языках: рус. *отец* ~ чеш. *otec* (укр. *отець*, бел. *оцец*, словац. *otec*, польск. *ojciec* (с XVI в., древнее *ocięc*, ст.-слав. *отъць*, болг. *отец*, серб.-хорв. *отац* и др.).

В структурном плане русский и чешский обнаруживают полное совпадение форм, причем связи чешского с восточным и южнославянским ареалами более близкие, чем с западным: польск. *ojciec*, в.-луж. *wóte*, *woćes*, н.-луж. *wośc*.

Слово «отец» как в русском, так и чешском образует множество производных образований, имеющих чрезвычайно важную социальную значимость: ср. рус. *отчизна*, *отечество*, *отчий (дом)* ~ чеш. *otčina* «отчизна»; прилагательное *отцовский* ~ чеш. *otcovsky* (дом, сила, совет и т.д.); рус. *отеческая забота* ~ чеш. *otcovske peče* и др. Слово употребляется и в религиозной сфере:

рус. *духовный отец* ~ чеш. *duchovní otec*, рус. *отцы церкви* ~ чеш. *církevní otce*, рус. *отец небесный* ~ чеш. *nebeský otec*.

Фонетически полностью совпадают рус. и чеш. слова и в обозначении *отчима* (приемного отца): рус. *отчим* ~ чеш. *otčim* (ср.: укр. *вітчим*, польск. *ojczym*).

Рассматривая обозначение *отца* в ИЕ ареале, следует сказать, что слово **atta*, представленное в славянских языках, являясь словом так называемого детского языка, обозначало *природного отца, отца-кормильца*, того, кто растил ребенка и заботился о нем. Если в одной части ИЕ ареала возобладал термин **atta*, то причина этого, вероятно, кроется в ряде глубоких изменений в религиозных представлениях и социальной структуре общества. Термин **pǫter* широко использовался в мифологии и, по всей вероятности, не обозначал отца как физическое лицо. Он постоянно употреблялся как определение верховного божества индоевропейцев. Этот термин фигурирует в форме вокатива и в имени лат. *Jupiter*, что соответствует греч. вокативу *Ζευ πατήρ* и ведическому *dyauh pita* [Трубачев 1959: 48].

Рассмотренные выше русские и чешские термины ближе, чем чешские и польские. Все это лишний раз свидетельствует о том, что славянский лингвистический ареал представляет собой весьма сложное диалектное образование, которое нельзя расценивать как общеславянское единство. Рассмотренные чешские (и, естественно, словацкие) ТР более близки (насколько можно судить по проведенному анализу) к южнославянским и восточнославянским языкам, очевидно, что это древнее состояние праславянского лингвистического ареала. К более позднему времени относятся контакты чехов и поляков с германским лингвистическим ареалом.

В славянской культурно-языковой традиции система брачных отношений определяет характер родственных связей и тем самым тип социальной организации славянского этноса на ранних этапах его существования.

Брачные отношения в древних обществах регулируются общими правилами *обмена* и зачастую обозначаются теми же терминами, что и другие виды взаимного *обмена (дарения)*. Будучи формально добровольными, в действительности виды взаимного обмена являлись строго обязательными. В качестве субъектов обмена в архаических обществах выступали главным образом не индивиды, а группы либо индивиды, симво-

лизирующие группы (вожди и т.п.). *Обмен* в таких обществах составляет систему взаимных тотальных поставок (“*prestations totales*”), непрерывно циркулирующих от клана к клану, от фратрии к фратрии, от племени к племени. Они выходят за рамки экономических отношений и охватывают все сферы общества; они универсальны, как универсален сам обмен в отношениях между людьми: «Пища, женщины, дети, имущество, талисманы, земля, труд, помощь, жреческие услуги, ранги — все является предметом передачи и возвращения» [Mauss 1950: 163–164].

Уже сам ИЕ корень **do-* «давать, брать» в широком смысле обозначал «брать женщину в жены», что и отразилось в целом ряде ИЕ традиций. Глаголы «*брать*» и «*отдавать*» постоянно присутствуют при описании торжественного акта бракосочетания: рус. *брать в жены*, лат. *nuptum dare* «отдавать замуж», греч. *δοῦναι, εκδοῦναι*, гот. *fragiben*, слав. **otъdati*, лит. *išduoti*, санскр. *pradā* все в значении «отдавать». Это постоянство способов выражения свидетельствует о наличии одного и того же типа семейной структуры, при которой супруг «приводил» к себе молодую жену, отданную ему отцом. При этом женщина выступала в качестве *объекта*, а не *субъекта* действия. Приведенные факты объясняют отсутствие ИЕ термина для *брака*, т.к. практически этот термин входил в *общую систему обмена*. Характерно, что одним из древнейших терминов бракосочетания у славян является *брак от брати* — «брать». Однако в славянских языках он представлен в ограниченном ареале, включающем ст.-слав. *бракъ*, серб.-хорв. *брак* «женитьба, свадьба», болг. *брак*, укр. *брак*, рус. *брак*. Приведенные примеры рассматриваются как заимствования из старославянского и сопоставимы в этимологическом плане с лат. *fero*, греч. *φέρω* «беру» [Фасмер 1964: 206]. В других славянских языках термин «*брак*» отсутствует.

Чтобы сказать «мужчина берет жену», в ИЕ языках употребляются формы с глагольным корнем **uedh-* «вести», в частности «привести жену в дом». Это значение приобретает особый смысл, основанный на близких соответствиях между большинством ИЕ языков: валл. *dy-weddio*, слав. **vedo*, лит. *vedú* «жениться», др.-рус. *водити жену* «иметь жену, жениться», *води-мая* «жена, супруга» = индо-иран. *vadhū* «молодая жена», греч. *εἶδνα* «свадебный подарок». Уже само наличие специфического термина, не совпадающего с терминологией обмена, указы-

вает на одну из форм бракосочетания, т.е. на обычай *похищения, умыкания, насильственного увода невесты*. Следы этого значения можно обнаружить в отдельных исторических ИЕ диалектах и сохранившихся в них обрядах умыкания невест. Ср. «Законы Ману» (III, 24): *hatvā chittvā ca bhittvā ca krośantim rudatim gṛhat prasahya Kanyāharanan rākṣaso vidhir ucyate* («обычаем ракшаса называется насильственный увод плачущей девушки из дома при убийстве, ранении ее сородичей и взломе»).

В ирландской традиции сохраняется особый термин *lanamús foxail* — «увод невесты», в римской традиции известен миф о похищении сабинянок, где употребляется выражение *rapere virginis* — «умыкать девушек» [Peruzzi 1970: 87 и след.]. Аналоги подобных обрядов отмечаются в древнегреческой и славянской традициях.

У греков это мифы о похищении Медеи аргонавтами, гомеровские мифы о похищении Персефоны, похищении Елены троянцем Парисом. У славян это *умыкание (похищение невесты)*: др.-рус. *умыкати*.

Обнаруженные следы двух видов бракосочетания (*брак как часть системы обмена и брак путем насильственного увода женщины*) отражают некоторые аспекты социального устройства ИЕ племен на новых территориях и столкновения их с иноязычными племенами. Основным видом *бракосочетания* можно считать похищение невест при несоблюдении обряда обменного бракосочетания с представителями либо своего племени, либо родственных племен, отношения с которыми регулировались сложной системой социальных отношений.

Со временем термины для бракосочетания, производные от **do-* брать ↔ давать (ср.: арм. *tur* «дар», слав. *darъ*, греч. *δωρον*), теряют свое значение и становятся общим термином для «женитьбы» вообще.

В отдельных славянских языковых традициях, где термин *брак* не получил своего распространения, употребляются другие термины: в чешском это *šňatek* «брак», слово восходит к ИЕ **sneu-* — «вязать, связывать, соединять».

В польском от этой же основы представлено глагольное образование *snebić* «свататься». В других славянских языках параллели отсутствуют. Из ИЕ соответствий следует отметить лат. *nubo, nubere* (<**sneu-*) «закутываться в покрывало (о невесте)», т.е. «выходить замуж», греч. *νυμφε* «невеста», Гомер

νομιος «новобрачный» [Pokorný 1959: 978]. Таким образом, чеш. *snátek*, польск. *snebić*, лат. *nubere*, греч. *νομιη* представляют парциальную славяно-латинско-греческую изоглоссу.

Образование новых терминов для брака связано с эволюцией личных отношений, появлением чувства привязанности, любви. ИЕ **prai-*, **pri-* «быть расположенным, любить, жаловать», праслав. **prijati* «показывать расположение, любовь», авест. *priyas* «дорогой, достойный», гот. *friaþwa* «любовь» и др.; ИЕ **leubh-* «любить», праслав. **ljubiti* «любить», гот. *liufs* «милый, дорогой, любимый», др.-в.-нем. *liob: liub* то же, совр. нем. *lieben* «любить», англ. *love* то же, лат. *libet* < **lubet* «хочется, угодно», др.-инд. *lubhyati* «вожделеет, жаждет».

В польской традиции обозначение для брака *-ślub*, глагол *ślubować* «сочетаться браком», *ślubny* «брачный» (в говорах произносится *szl-* вместо *śl-*) [Brückner 1970: 153]. Этимология слова весьма прозрачна и связана с прилагательным *luby* «любимый» и глаголом *lubić* «любить», приставка *s-* имеет собирательное значение (ср.: польск. *polubić* «полюбить», *ulubieniec* «любимчик», *lubeżny*, *lubieżny* = рус. *любезный*, чеш. *libezný*).

Праслав. глагол **ljubiti* представлен во всех славянских языках, от него образованы разнообразные дериваты (*любовь*, *любимый* и т.п.). Заключение брака было связано с торжественными обещаниями, что прекрасно иллюстрируют чешские примеры, продолжающие праслав. **ljubiti*, ср.: чеш. *slib* «торжественное обещание, клятва, обет», *slibiti* «торжественно обещать». В немецкой культурной традиции отмечается подобный семантический переход (ср.: *lieben* «любить» → *geloben* «торжественно обещать», *Gelübde* «торжественное обещание, обет»). Помимо этого значения, представлены и такие, как др.-в.-нем. *lob* «хвала» (совр. *Lob* — «похвала, хвала»), *lubains* ж. «надежда», *galaubjan* «верить», лит. *liaupsė* «хвала», образующие своеобразное семантическое поле положительной оценки. Однако реликты прежних отношений представлены в польском сочетании *brać ślub* «заключать брак», польск. *popierać się* в том же значении. В белорусском и украинском слово «*шлюб*» заимствовано из польского.

Помимо указанных терминов, в польском и чешском языках отмечается пополнение терминологии для обозначения заключения брака из немецкого языка: польск. *małżeństwo*, чеш. *manželství* (с метатезой *l* и *n*). Эти слова относятся приблизительно к XV–XVI вв., слово сложное, первоначально в поль-

ском употреблялось исключительно по отношению к *жене* как *malžona*, т.е. жена, взятая по договору “*na mal*” [Brückner 1970: 321]. У горных немцев брачный дар называется *Mahlschatz*, *Mahlring* «обручальное кольцо», *Gemahl* «супруг» и *vermählen* «женить, выдавать замуж» ~ *vermählen sich* «вступать в брак», *Vermählte m, f* «новобрачный (муж) и новобрачная (жена)». Это слово неизвестно ни южным, ни восточным славянам и объясняется более тесными контактами западных славян с немецким лингвистическим ареалом.

Из других обозначений для *брака* следует отметить словенское *zakon* (ср.: рус. прост. *жить в законе*). Характерно при этом, что обозначения самого свадебного обряда (*свадьбы*), а также главных его участников (*жениха* и *невесты*) во всех славянских языках обнаруживают относительное единообразие: праслав. **ženich*, рус. *жених*, чеш. *ženich*, укр. *жених*, бел. *жаних*, словац. *ženich*, ст.-польск. *ženich*, совр. польск. *parzeczony*, ст.-слав. *женихъ*. В остальных славянских языках представлены либо образования с иным суффиксом: серб.-хорв. *жѣник*, словен. *ženin*, либо другие слова: болг. *годеник*, *сгоденик*, в серб. в значении *жених*, *супруг* употребляется слово *храбар* < праслав. **xorbrь* «храбрый, доблестный». В других ИЕ языках обозначения самые разнообразные: лит. *jaunikis*, греч. *νυμφιος* (от *νυμφη* «невеста»), гот. *brūpfaps*, нем. *Bräutigam* и др.

См. также: праслав. **nevěsta*, др.-рус. *невѣста*, чеш. *nevěsta* укр. *наречена*, бел. *нявеста* и *нарочоная*, словц. *nevesta* “невеста”, польск. *niewiasta*, ст.-польск. *niewiasta* наряду с *narzeczona* «невеста» и *panna mloda*. Древнее славянское обозначение **nevěsta* хорошо сохранилось в лужицких языках: в.-луж., н.-луж. *njewjesta*; ст.-слав. *невѣста*, болг. *невеста* «молодуха, молодая», *годеница* «невеста», серб.-хорв. *невеста*, словен. *nevesta*, *zaročenka* «невеста». В других ИЕ языках: нем. *Braut*, лит. *nuotaka*, ит. *fidanzata*, фр. *fiancée*. Наименования других участников свадебного обряда также обнаруживают большую близость: праслав. **svatь* (ИЕ основа **suo* | *suō* - с суфф. *t* < **suōt*, та же, что в *свой*). Рус. *сват* ~ *сватья*, *свах*: 1) отец или близкий родственник одного из супругов по отношению к родителям другого супруга; 2) лицо, принимающее участие в *сватанье*; чеш. *starosvat* «сват, дружка», *starosvata*, уст. и диал. *svat* «тесть, отец снохи», *svatka* «свах», словац. *svat*, *svatka* «свах», *svatovstvo* «сватовство», польск. *swat*, *swacha*, *swata*, *swatać* «сватать», *swactwo* «сватовство», *swacha* «свадьба», в.-луж.

swat «шафер (невесты), дружка»; укр. *сват* (во втором значении; *староста*), *свах*, *сватати*, *сватання*, бел. *сват*, *свацця*, *сватать*, *сватання*; болг. *сват*, *св*а*тя*, *сватовница* «свах», *сватосвам* «сватаю»; серб.-хорв. *сват*, *сватица* «свах»; ср.: *сватовати* «быть на свадьбе (гостем), праздновать свадьбу». Ближайшие параллели в лит. *svetys* «гость», «чужак» (**svetios* «чужой»), авест. *хаē-tu* «принадлежащий».

Наиболее древнее значение у всех вышеприведенных терминов — это «принадлежащий к своим, из своих, свояк». Разветвленная система, обозначающая брачную церемонию и ее участников, как следует из вышеизложенного, сложилась на славянской почве, но имеет ИЕ истоки.

Бенвенист 1995 — *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

Сараджева 2002 — *Сараджева Л.А.* Интерпретация некоторых традиционно «трудных» окончаний древнерусской (праславянской) системы склонений // Единицы языка и их функционирование. Вып. 8. Саратов, 2002.

Трубачев 1959 — *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.

Фасмер 1964 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1.

Brückner 1970 — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.

Mauss 1950 — *Mauss M.* Sociologie et anthropologie. P., 1950.

Peruzzi 1970 — *Peruzzi E.* Origini di Roma, I. Lafamiglia. Firenze, 1970.

Pokorny 1959 — *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959. Bd. I.